



УДК 930.2:94(575.1)»07»:316.4
МРНТИ 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2025.4.30.250.263>

Социальная стратиграфия раннесредневекового общества по согдийским документам с горы Муг

© 2025 г. Алимова Д.А., Бабаяров Г.Б.

Keywords: Sogd, Sogdian documents, stratigraphy, marriage contract, monetary documents, drachma, tax collector, Sogdian nobility, merchants, community members

Түйін сөздер: Соғды, соғды құжаттары, стратиграфия, неке шарты, қаржылық құжаттар, драхма, алым-салық жинаушы, соғды ақсақалдары, саудагер адамдар, қауым мүшелері

Ключевые слова: Согд, согдийские документы, стратиграфия, брачный договор, денежные документы, драхма, сборщик податей, согдийская знать, торговый люд, общинники

Dilaram Alimova¹ and Gaybulla Babayarov¹

¹Prof., Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan National Center of Archaeology, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: [0009-0000-1660-3023](https://orcid.org/0009-0000-1660-3023) E-mail: rahbar-d@yandex.ru

¹Prof., Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan National Center of Archaeology, Tashkent, Uzbekistan
ORCID: [0009-0005-4269-5343](https://orcid.org/0009-0005-4269-5343) E-mail: gaybullah@mail.ru

Social stratigraphy of early medieval society according to the Sogdian documents from the Mug mountain

The Sogdian documents from the Mug mount, dating back to the 8th century AD, are an important source on the history of the early Middle Ages in Central Asia and provide a wealth of material for studying the internal social structure of Sogd and the most diverse aspects of its cultural and socio-economic life. A large amount of historical literature has been devoted to this theme, from translators and scholarly commentators of the texts of A.A. Freiman, I.A. Krachkovsky, V.A. Livshits, O.I. Smirnova, M.N. Bogolyubov to a number of researchers of both the documents themselves and the events accompanying them, concerning the political and military situation in Sogd and neighboring regions in the period between 711 and 722 AD. Despite the abundance of research, unfortunately, the stratigraphic analysis of Sogdian society based on the materials of the Sogdian documents from the Mug mount the field has remained outside of the view of specialists. Meanwhile, they provide a clear picture of its social structure and population strata. Both the marriage contract between the representatives of the nobility and the economic documents provide data that allow us to realize, albeit not a complete, idea of the stratification of Sogdian society. The legal foundations of the social status of men and women are especially clearly recorded in a unique source of this time – a marriage contract, testifying to the equality of the sexes. Monetary documents testify not only to the existence of a rank system in the administrative structure of the state, but also to the social status of various strata of the population and social gradation. In general, the social stratification of society according to Sogdian documents indicates the presence of inequality in society, characterized by the existence of a three-stage composition of society. However, the Sogdian documents can contain data on a wide range of issues of a stratigraphic nature. With careful study of them in the context of the task at hand, it is possible to trace the transformation processes concerning social strata caused by political and economic changes in the state, the entry of the military class into the social arena during political cataclysms, the formation of new social strata or the transition from one to another. In this sense, this source, which appeared on the eve of the Arab invasion, is of great value.

For citation: Alimova, D., Babayarov, G. 2025. Social stratigraphy of early medieval society according to the Sogdian documents from the Mug mountain. *Kazakhstan Archeology* 4 (30), 250–263 (in Russian).

DOI: [10.52967/akz2025.4.30.250.263](https://doi.org/10.52967/akz2025.4.30.250.263)

**Диларам Алимова¹, Гайбулла Бабаяров¹**

¹т.ғ.д., проф., Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясы Ұлттық археология орталығы,
Ташкент қ., Өзбекстан

¹т.ғ.д., проф., Өзбекстан Республикасы Ғылым академиясы Ұлттық археология орталығы,
Ташкент қ., Өзбекстан

**Муг тауынан табылған соғды құжаттарына негізделген
ерте ортағасырлық қоғамның әлеуметтік стратиграфиясы**

VIII ғасырға жататын Муг тауынан табылған соғды құжаттары — Орталық Азияның ерте ортағасырлық тарихын баяндайтын құнды дереккөз болып табылады. Бұл жазбалар Соғдының ішкі қоғамдық құрылымын, оның мәдени және әлеуметтік-экономикалық өмірінің сан алуан қырларын зерттеуге мол мүмкіндік береді. Бұл тақырыпқа арналған тарихнамалық әдебиеттердің ауқымы өте кең. Олардың қатарында мәтіндерді алғаш аударған әрі ғылыми түсініктеме берген А.А. Фрейман, И.А. Крачковский, В.А. Лившиц, О.И. Смирнова және М.Н. Боголюбовтан бастап, құжаттардың мазмұнын тікелей зерттеушілер мен 711–722 жылдар аралығындағы Соғды мен оған көршілес аймақтардағы саяси және әскери ахуалды зерделеген бірқатар ғалымдардың іргелі еңбектері бар. Зерттеулердің көптігіне қарамастан, Муг тауынан табылған соғды құжаттарының материалдары негізінде соғды қоғамына стратиграфиялық талдау жасау мәселесі мамандардың назарынан тыс қалып келді. Сонымен қатар бұл деректер Соғды қоғамының әлеуметтік құрылымы мен тұрғындардың түрлі топтарға жіктелуі туралы нақты ақпарат береді. Ақсүйектер арасындағы неке шартында да, шаруашылық құжаттарында да соғды қоғамының стратификациясы туралы толық болмаса да, жалпы түсінік қалыптастыруға мүмкіндік беретін деректер келтірілген. Әсіресе, ерлер мен әйелдердің әлеуметтік жағдайының айқын құқықтық негіздері осы уақыттың бірегей дереккөзінде – жыныстардың тең құқығын куәландыратын неке шартында жазылған. Ақшалай құжаттар мемлекеттің әкімшілік құрылымында лауазымдық жүйенің бар екендігін ғана емес, сонымен қатар тұрғындардың әртүрлі топтарының әлеуметтік мәртебесі мен қоғамдық сатыларға жіктелуін де көрсетеді. Жалпы алғанда, соғды құжаттары негізіндегі әлеуметтік стратификация қоғамдағы теңсіздікті және оның үш сатылы құрылымнан тұратынын көрсетеді. Дегенмен, соғды құжаттары қоғамдық стратификацияға қатысты мәселелердің кең ауқымын қамтитын құнды мәліметтерге ие. Бұл деректерді қойылған міндеттер тұрғысынан мұқият зерттеу мемлекеттегі саяси және экономикалық өзгерістер тудырған әлеуметтік топтардың трансформациялану процестерін қадағалауға мүмкіндік береді. Сонымен қатар саяси катаклизмдер кезеңінде әскери топтың әлеуметтік аренаға шығуын, жаңа әлеуметтік жіктердің қалыптасуын немесе бір топтан екіншісіне өту барысын зерделеуге жол ашады. Бұл тұрғыда араб шапқыншылығы қарсаңында пайда болған бұл дереккөз үлкен құндылық болып табылады.

Сілтеме үшін: Алимова Д., Бабаяров Г. Муг тауынан табылған соғды құжаттарына негізделген ерте ортағасырлық қоғамның әлеуметтік стратиграфиясы. *Қазақстан археологиясы*. 2025. № 4 (30). 250–263-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2025.4.30.250.263](https://doi.org/10.52967/akz2025.4.30.250.263)

Диларам Алимова¹, Гайбулла Бабаяров¹

¹д.и.н., проф. Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан

¹д.и.н., проф. Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан, г. Ташкент, Узбекистан

**Социальная стратиграфия раннесредневекового общества
по согдийским документам с горы Муг**

Согдийские документы с горы Муг, относящиеся к VIII в., являются важным источником по истории раннего средневековья в Центральной Азии, дают богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согда и самых разнообразных сторон его культурной и социально-экономической жизни. Этой теме посвящено большое количество исторической литературы, начиная от переводчиков и научных комментаторов текстов А.А. Фреймана, И.А. Крачковского, В.А. Лившица, О.И. Смирновой, М.Н. Боголюбова и до ряда исследователей непосредственно документов и сопровождавших их событий, касающихся политической и военной обстановки в Согде и соседних районах в период между 711 и 722 г. При обилии исследований остался вне поля зрения специалистов стратиграфический анализ согдийского общества по материалам согдийских документов с горы Муг. Между тем они дают ясную картину о социальной структуре и слоях населения. Как в брачном договоре между представителями знати, так и в хозяйственных документах,



приводятся данные, позволяющие составить, пусть и не полное, представление о стратификации согдийского общества. Особенно ярко правовые основы социального положения мужчин и женщин зафиксированы в уникальном источнике этого времени – брачном контракте, свидетельствующем о равноправии полов. Денежные документы указывают не только на существование ранговой системы в административном устройстве государства, но и на социальное положение различных слоёв населения и социальную градацию. В целом социальная стратификация общества по согдийским документам свидетельствует о наличии неравенства в обществе, характеризующегося существованием трёхступенчатого состава общества. Однако согдийские документы могут содержать данные о большом круге вопросов стратиграфического характера. При тщательном их изучении в ракурсе поставленной задачи возможно проследить трансформационные процессы, касающиеся социальных страт, вызванных политическими и экономическими изменениями в государстве, выходом военного сословия на социальную арену в период политических катаклизмов, формирования новых социальных страт или перехода из одной в другую. В этом смысле данный источник, появившийся накануне арабского нашествия, представляет огромную ценность.

Для цитирования: Алимова Д., Бабаяров Г. Социальная стратиграфия раннесредневекового общества по согдийским документам с горы Муг. *Археология Казахстана*. 2025. № 4 (30). С. 250–263.
DOI: [10.52967/akz2025.4.30.250.263](https://doi.org/10.52967/akz2025.4.30.250.263)

1 Введение

Такой важный вопрос для исторической науки, как социальная стратиграфия общества, объясняющая его жизнь и деятельность на определённых отрезках времени в древности и Средневековье, остаётся пока ещё малоизученным. При обилии археологических артефактов и письменных источников эта проблема не стала центральной в работах историков и археологов.

Между тем социальные изменения в жизни общества – это процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию человеческой деятельности, но и вызванные ими перемены в духовной жизни. Социальная стратификация имеет огромное значение и для изучения древних и средневековых обществ.

Установление социального неравенства началось в самых ранних архаических социальных системах в связи с делением общества на кланы. Социальное неравенство привело к расслоению общества и появлению групп, занимавших более высокое положение, определённое зависимостью от них социальных практик и зависящего от них низшего звена [Беленицкий и др. 1977; Yakubovich 2002; 2006; Vaissiere 2002; Begmatov 2020].

Каковы же границы и маркеры социальной стратификации центрально-азиатского средневекового общества?

Эта проблема в историко-археологическом ключе ещё не раскрыта. Между тем, археология располагает большим количеством реальных источников, дающих сведения о социальной конструкции общества, что, в свою очередь, является информационной основой для построения социальных теорий относительного этого периода.

Археологические исследования нередко позволяют определить социальные взаимоотношения народов в древности и Средневековье. Конкретные материалы, полученные при полевых изысканиях археологов, помогают в определении времени и форм сложения семейных отношений, даты возникновения большой патриархальной семьи, судить о социальной иерархии общества. Особенно важны данные погребений, которые, как известно, были чётко регламентированы по социальным группам: царские, родовой аристократии, низовых социальных групп. Археологические исследования предоставляют ценную информацию и о гендерном вопросе и таких социальных группах, как женщины и мужчины. Могильники не единственные источники для изучения проблемы, есть и письменные источники, и настенные изображения (фрески Афрасияба (Самарканд), Варахшы (Бухара), Балалык-тепе (Сурхандарья), Пенджикент (Таджикистан)), выявленные археологами, которые позволяют судить о рамках социального строя, этнических и антропологических признаках, взаимоотношениях полов. Но в археологической литературе сложилась большая лакуна, определённая отсутствием характеристик социальной стратиграфии общества.



Следует отметить, что с древнейших времён в определённых политических образованиях — государствах общество было разделено на различные слои. В Месопотамии, Египте, Риме, Индии и Китае население состояло из представителей различных социальных страт. Хотя каждая из этих цивилизаций обладала своими специфическими особенностями, в целом между ними наблюдаются определённые общие черты. В отношении социальной стратификации данных древних обществ проведено множество научных исследований. Большинство исследователей отмечают, что в древних обществах высший слой составляли правители и жрецы, за ними следовал средний слой — чиновники, писцы, военачальники и крупные торговцы, тогда как нижний слой включал земледельцев, ремесленников и рабов. При этом подчёркивается, что одной из характерных черт большинства этих обществ являлась ведущая роль религии. Вместе с тем, социальная стратификация в древних цивилизациях формировалась под влиянием религиозных, экономических и политических факторов. Несмотря на общие черты иерархичности и неравенства, каждая цивилизация выработала собственную модель социальной организации, отражающую её культурные и мировоззренческие особенности.

В отличие от упомянутых древних цивилизаций, в более поздний период в процессе формирования государственности Средней Азии социальная структура общества имела как сходства, так и отличия по сравнению с соседними регионами — Индией, Китаем и Ираном. Это можно проследить на основе письменных источников, сохранившихся на китайском, древнеперсидском и греческом языках, а также на ряде локальных памятников — согдийских, хорезмийских, бактрийских и древнетюркских текстов.

Общественная стратификация Средней Азии в раннесредневековый период особенно отличалась от соседних стран тем, что между оседлым земледельческим населением и кочевыми скотоводами существовали тесные и постоянные контакты. Представители обоих образов жизни нередко сосуществовали в одних и тех же городских центрах, формируя единое социальное пространство. Большинство населения обитало в орошаемых земледельческих районах и придерживалось зороастрийской религии (преимущественно согдийцы), тогда как значительная часть населения вела кочевой скотоводческий образ жизни и исповедовала тенгрианство (тюрки). Обе этнические группы часто проживали в пределах единого политического образования, при этом в их социальной стратификации наблюдались как различия, так и общие черты.

При обращении к китайским хроникам, древнетюркским руническим надписям, а также согдийским и бактрийским документам, становится очевидным, что, несмотря на различие хозяйственных укладов, между тюрками и согдийцами происходили интенсивные социально-политические и культурные взаимодействия. Исследователи обозначают этот феномен термином «тюрко-согдийский симбиоз» [Отахұжаев 2010]. Указанные процессы относятся к эпохе Тюркского каганата (552–744 гг.), времени, к которому принадлежат и знаменитые согдийские документы с горы Муг. В этот период общество Каганата, включавшее тюрков, согдийцев и ряд других этнических групп, отличалось сложной социальной структурой: оно охватывало семьи, родственные объединения, племена и союзы племён (в основном у тюрков), а также правящую династию, придворную знать, чиновников, служащих различных сфер, военных, религиозные общины, ремесленников, торговцев и другие категории населения.

У тюрков общественная структура «эль» (общество, государство) в основном включала представителей высшего слоя — «бек»ов, служилый слой — «тапугчы» и широкие народные массы — «кара будун», т. е. «простой народ» [Абдурахмонов, Рустамов 1982: 71, 77, 101, 126, 132; Бобоёров 2018: 91–93]. У согдийцев и других народов структура имела некоторые отличия: выделялись, в частности, категории «азат»ы (свободные люди), «кадивар»ы (домохозяин, земледельцы), «гувакар»ы (торговцы) и «катифашюс» (старейшины деревень), «наф» (народ, община), «магупат»ы (жрец) и другие [Смирнова 1970: 18–20, 102–106, 191; Лившиц 2008: 108, 185, 242].



Следует отметить, что ниже рассматриваются лишь отдельные аспекты социальной стратификации населения Средней Азии на основе документов с горы Муг. Эти источники содержат многочисленные сведения по данному вопросу. Примечательно, что в них упоминаются как представители тюркского и согдийского населения, проживавшие в едином сообществе, так и представители высших слоёв — тюркские каганы, тегины (царевичи), а также согдийские правители, связанные с ними политическими контактами, «тарханы», военачальники («тутук»и), наместники каганов («тудун»ы, «эльтебер»ы), наряду с описанием положения представителей средних слоёв обоих этносов [Лившиц 1962: 78–84, 116–118, 139–140; Grenet, Vassière 2002: 155–196; Бобоёров и др. 2020: 11–14, 23, 29].

Документы согдийского архива с горы Муг, в частности сведения, содержащиеся в брачном контракте, свидетельствуют о том, что в доисламский период общество Средней Азии характеризовалось политической, этнической и социальной многослойностью, а в регионе проживал ряд этнических общностей, среди которых согдийцы и тюрки составляли численно преобладающие этносы. Наличие в документах как согдийской, так и тюркской терминологии, в том числе тот факт, что имя одного из участников брачного договора является согдийским (Дугдгонча), а другого — тюркским (От-тегин), наглядно подтверждает данное предположение.

Кроме того, письменные источники и нумизматические материалы, показывают, что, несмотря на согдийский язык и письмо на монетах Средней Азии, терминология, связанная с государственным управлением (имена правителей и их титулы), носила тюркский характер. Это подтверждает равноправное участие представителей обоих этносов в социальной жизни населения региона. Обращает на себя внимание тот факт, что на монетах Согда, Чача (Ташкента), Ферганы, Отрара и Семиречья фиксируются древнетюркские титулы «каган», «хатун», «тегин», «тудун», «тутук», «эльтебер», «тархан», данные нумизматических материалов коррелируют со сведениями, содержащимися в согдийских документах с горы Муг [Бобоёров и др. 2020; Бабаяров 2007: 9–24, 45, 55].

Это, в свою очередь, свидетельствует об одностороннем характере распространённого в историографии мнения о том, что Тюркский каганат не принимал активного участия в социальной жизни оседлых государств Средней Азии, а каганы, находясь в степи, ограничивались лишь получением дани. Напротив, представители каганата — наместники, царевичи и высшие должностные лица — принимали активное участие не только в административном управлении Согдом и сопредельными территориями, но и в различных сферах общественной жизни, в частности в экономической, культурной и бытовой.

2 Материалы и методы исследования

Такой важный источник, как согдийские документы с горы Муг, относящийся к VIII в. н.э. — содержит важные сведения о социальной структуре общества при правителе Диваштиче. С.П. Толстов отмечал: «Находки на горе Муг, являясь первоклассным источником для истории арабского завоевания, дают в то же время богатейший материал для исследования внутреннего общественного строя Согдианы VIII в. и самых разнообразных сторон ее культурной жизни. Хозяйство согдийского царя, организация сбора повинностей с населения, отношения царя с его слугами, отношения между различными политическими центрами, социальная терминология, история календаря, не говоря уже о богатейшем языковом материале» — вот неполный перечень вопросов, получающих новое освещение в материалах документов из замка на горе Муг.

Окончательное опубликование архива Диваштича явится вкладом совершенно исключительного значения в древнюю историю Средней Азии» [Толстов 1938: 195].



Это окончательная публикация была осуществлена В.А. Лившицем в 1962 г., который продолжил работу своего учителя А.А. Фреймана, выделив 45 документов юридического характера и хозяйственных записей, которые, несомненно, являлись «одним из наиболее трудных для интерпретации согдийских текстов» [Лившиц 1962: 9].

В предисловии к изданию В.А. Лившиц указывал, что находка документа в 1932 г. на развалинах крепости Калаи Муг (Таджикистан) привела к организации раскопок в 1933 г. под руководством А.А. Фреймана, в результате которых было обнаружено 74 согдийских, одного – на арабском языке и одного – тюркско-рунического документов и большого количества предметов материальной культуры.

Всё это было подвергнуто А.А. Фрейманом палеографическому описанию [Фрейман 1934: 7–18]. Документ на арабском языке был изучен И.А. Крачковским, который воссоздал событие времени разрешения крепости. Материалы находок датированы периодом не позднее начала третьего десятилетия VIII в. н.э. (до 722 г.) [Фрейман 1934: 7].

А.А. Фрейман опубликовал чтение и перевод 13 текстов согдийских документов [Фрейман 1936: 137–165]. В.А. Лившиц является автором переводов и комментариев 60 документов, первые 15 он опубликовал в 1959–1960 гг. Начав работу в 1957 г., он выделил из всего комплекса юридические документы, выяснив, что мугские письма содержат данные, характеризующие политическую и военную обстановку в Согде и соседних районах в период между 711 и 722 г. н. э. [Лившиц 1962: 17, 45, 52, 58, 64]. Очень важно, что они позволили судить об общественном строе и экономической жизни народов этого региона. Через год после этой публикации вышел выпуск III согдийских документов, который содержал чтение и перевод М.Н. Боголюбовым и О.И. Смирновой нескольких хозяйственных документов и их морфологический разбор [Боголюбов, Смирнова 1963; Смирнова 1970].

Но наиболее полным является чтение и перевод большинства документов В.А. Лившицем. В кропотливой работе В.А. Лившица над столь уникальными документами оказывали помощь своими знаниями и замечаниями не менее известные, чем он сам, именитые учёные, такие как К.В. Тревер, А.М. Беленицкий, Л.Т. Гузальян, В.Г. Луконин, Б.И. Маршак, Б.Я. Ставиский, А.Г. Периханян, С.Г. Кляшторный, И.М. Дьяконов, А.М. Мандельштам. В.А. Лившиц издание согдийских документов посвятил памяти академика И.А. Орбели – известного археолога и востоковеда, который был инициатором публикации и «до последних дней своей жизни живо интересовался ходом работы по расшифровке мугских документов» [Лившиц 1962: 9]. Такое широкое обсуждение работы дало очень многое в построении переводческой концепции, несмотря на то, что тексты юридических документов (ряд которых были плохой сохранности), свидетельствовали о наличии «новой, неизвестной по изданным до того времени текстам, лексики, с синтаксическими и стилистическими особенностями, а также с очень большим числом имён собственных, титулов и топонимических названий» [Лившиц 1962: 9].

Как видим, В.А. Лившиц провёл титаническую работу по чтению, переводу, комментированию и изданию этого уникального источника. Вклад в изучение этого источника внесли М.Н. Боголюбов, О.И. Смирнова, А. Бегматов [Боголюбов, Смирнова 1963; Begmatov 2020].

Несомненно, согдийские документы в прочтении В.А. Лившица оказали огромное влияние на интерпретацию истории этого периода. Поэтому наша цель – обозначить маркеры социальной структуры общества в раннесредневековом самаркандском Согде на основе комплекса документов с горы Муг, основываясь на чтении, переводе и комментариях В.А. Лившица.

Документы с горы Муг, особенно те, что были опубликованы В.А. Лившицем, имеют огромное историческое значение. Его ученик Павел Лурье писал: «Перед нами – широкий срез жизни Средней Азии, который охватывает самые разные сферы от ежедневного довольствия служивого



люда или особенностей мельничного хозяйства до описания политической и военной ситуации в разных регионах. Среди документов – и учётные записи, и брачный контракт (из него следует, что знатная согдиянка имела очень широкие права), и дипломатическая переписка, и даже шпионские донесения. Много в этих документах пересекается с китайскими и арабскими историческими текстами, и исторический комментарий, пожалуй, наиболее яркая часть работы В.А. Лившица над документами с горы Муг» [Лурье 2019: 41].

Публикация В.А. Лившица была, с одной стороны, восхищённо принята научным сообществом, а с другой – многие специалисты, в их числе П. Лурье, да и сам В.А. Лившиц, предлагали разные уточнения чтений. Многие из них были им приняты, о чём свидетельствует переиздание документов в книге под названием «Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья», вышедшей из-под его пера в 2008 г. Эта книга получила премию им. С.Ф. Ольденбурга в России, премию Эхсана Яршатера в США, а в 2015 г. вышел её английский перевод под редакцией Н. Симса-Вильямса в серии «Corpus Inscriptionum Iranicarum» [Лурье 2019: 41].

Согдийские документы своим содержанием стали новым открытием в исторической науке, дающим ранее неизвестные важные сведения не только о правовой, социально-экономической жизни населения Согда, но и о социальной стратификации общества в начале VIII в. Уникальным источником по брачно-семейным отношениям является «Брачный договор», наибольший по объёму текст собрания, свидетельствующий о гендерных отношениях и социальном статусе мужчины и женщины, вступающих в брак. Контракт был заключен, по-видимому, в Самарканде. В документах указано лишь, что он составлен в «месте основ» (городской муниципалитет или храм?) в присутствии «главы» Вахушукана, сына Вархумана.

Брачный контракт (Nov. 3 и Nov. 4), насчитывающий 90 строк – наибольший по объёму текст мугского собрания. Он является важнейшим в настоящее время источником для изучения брака и семьи у согдийцев в доисламский период. Контракт содержит данные, имеющие первостепенное значение и для характеристики социально-экономических отношений. Брачный контракт – единственный в мугском собрании текст, датированный временем правления царя Тархуна. Исходя из этого, В.А. Лившиц установил время составления документов и даже день – вторник, 25 марта 710 год [Лившиц 1962: 17]. В.А. Лившиц считает, что этот документ является типичным для согдийской знати полноправным брачным договором, где «женихом выступает От-тегин¹, судя по имени знатный тюрк, <...> заключающий полноправный брак с женщиной и оба обязующиеся жить в браке как “благородный” с “благородной”» [Лившиц 2008: 25]. Термин «полноправный» оправдан характеристиками, основанными на адекватной юридической ответственности обеих сторон, предусматривается и прекращение брака на особых условиях. Вторая статья договора обозначена как условия совместного проживания: обязанности мужа, третья – условия совместного проживания: обязанности жены. Отдельно оговаривается ответственность мужа перед женой за нарушения условий совместного проживания. Если брак прекращается по инициативе мужа, он обязан имущественно обеспечить жену, если же по её инициативе – она также должна быть обеспечена, и оба в этих случаях имеют право на вступление в новый брак.

В обоих случаях и муж, и жена, а также их дети свободны от ответственности за преступления, совершенные одной или другой стороной. По брачному договору видно, что это полноправный брак и оба несут юридическую ответственность за свой союз, даже в случае его распада.

3 Обсуждение и результаты

В брачном контракте нет никакого намёка на его религиозное освещение. Это означает, что брак был светским. Но в договоре есть упоминание о боге договора – Митре [Лившиц 1962: 18;

¹ В первом издании согдийских документов Лившиц пишет Ут-тегин, в издании 2008 г. – От-тегин (см.: [Лившиц 1962: 18–27; 2008: 23, 28–35]).



Yakubovich 2006; Grenet, Vassière 2002: 155–196], что свидетельствует о преобладании в регионе зороастрийского верования. Тем не менее, как считает В.А. Лившиц, бракосочетание выглядит по договору как мирское, светское дело, а не как религиозное таинство.

На территории самаркандского Согда, как можно судить по документам с горы Муг, в начале VIII в. буддизм сколько-нибудь заметной роли не играл. Имена собственные и обозначения духовных лиц в этих документах указывают на то, что господствующей религией был зороастризм, большую роль играли культ Митры, Нанайи – Анахиты, а также остальных божеств [Лившиц 1962: 166]. Возможно, именно поклонение наряду с Митрой Нанайе объясняется такая прямая защита женщины. Так, по договору она может быть инициатором прекращения брака и в этом случае на мужа возлагается имущественное обеспечение жены, и она имеет право на вступление в новый брак [Лившиц 1962: 19]. Кроме того, у брачующегося мужчины имеются определённые обязательства по отношению к опекуну жены, в частности, в случае нанесения ей оскорбления он обязан возратить жену опекуну [Лившиц 1962: 19]. Наличие же опекуна у невесты означает, что решение о браке принимается семьёй. Полноправность женщины подчеркивается и тем, что документ составляется в двух экземплярах. Как указывает В.А. Лившиц: «На тексте обязательства, дошедшем до нас, имеется приписка, указывающая на то, что данный экземпляр должен храниться у невесты» [Лившиц 1962: 20].

Договор свидетельствует о демократичности и морализованности общества, основанного на равноправии полов и в то же время узаконению уступок мужчин по отношению к женщине. По договору, если мужчина попадает в рабство или плен, то его жена и дети остаются свободными. То же касается мужа, если в рабство попадет жена.

Содержание обязательства звучит как торжественная клятва От-тегина:

«И, господин, в присутствии тебя²

(11) и в присутствии (бога) Митры (я обязуюсь): я (ее) не продам, ни долговой рабыней,

(12) ни пленной (?), ни отданной под покровительство не сделаю. И также, если ее кто-либо

(13) от меня или со стороны ... возьмет и над-

(14) ругается (над ней), то я ее тотчас, без ущерба, невредимой

(15)³ отошлю. А также если Чата со мной

(16) не согласится оставаться или же если я ее сам отошлю,

(17) то я ее тебе, Чер, (твоим) сыновьям и роду, здоровой,

(18) без ущерба, невредимой передам и вру-

(19) чу. И если я ее не вручу, если я ее невредимой не передам, то тебе

(20) 100 драхм динарских, серебряных,

(21) имеющих хождение⁴, хорошей сохранности, без примеси, я буду должен, и от-

(22) дам, и выплачу» (по: [Лившиц 1962: 25; 2008: 34]).

Это следует понимать так, что только с согласия жены, после обиды, муж мог её отослать, если же он оставляет её, то в знак своей виновности выплачивает 100 драхм её родным. Этот факт свидетельствует о высокой ответственности заключающего договор мужчины и о чрезвычайно бережном отношении к женщине. В то же время допускается определённая несправедливость по отношению к ней. В статье договора отмечается, что «в случае желания мужа развестись с женой вследствие её проступков, он должен отдать ей полученное от неё имущество. Если же жена вследствие проступков мужа желает развестись с ним, то он не должен отдавать ей полученного».

² «господина»

³ «освобожденной отошлю»

⁴ «утвержденных»



В.А. Лившиц считал, что «в согдийском праве жена (полноправная) рассматривалась наравне с мужем как юридически ответственное лицо». Вместе с тем, он не закрывал глаза и на наличие определённых форм зависимости, объясняя это живучестью такой тенденции в более ранних периодах и документах, определённые статьи которых традиционно переходили и в согдийские документы [Лившиц 1962: 35]. Согдийский договор, несмотря на его демократичность, содержит сведения, которые свидетельствуют о существовании полигамии.

Кроме полноправного брака, существовал и брак с подопечной и побочный брак. Однако муж мог вступить в побочный брак только с согласия «полноправной» жены. В тоже время указывается, что если муж От-тегин без разрешения жены вступит в побочный брак, он должен выплатить жене 30 «динарских драхм» [Лившиц 1962: 33]. Такие «уловки» свидетельствует все же о том, что статус мужа был более высок.

В.А. Лившиц предполагал, что «многожёнство у согдийцев не было широко распространённым явлением, а ограничивалось главным образом среди знати, зажиточными семьями» [Лившиц 1962: 30]. Документ отражает и существование социальных страт в лице рабов. Так, отмечается, что муж обязуется не продавать жену в рабство или иным путём лишать её свободы. Однако в мугских хозяйственных документах термины «раб», «рабыня» не встречаются [Лившиц 1962: 35]. Они фигурируют больше в брачном контракте. Очевидно, это общество рабовладельческим мы назвать не можем. По-видимому, оно существовало в семейной форме, не имея классического характера.

Изучив другие документы, В.А. Лившиц пришёл к выводу о следующем социальном расслоении в Согде: «народ-община делится на три основные группы – знать, торговый люд и работники вообще», под которыми следует понимать прежде всего крестьян – общинников (в т. ч. и общинников, привлекаемых к населению повинностных работ) и ремесленников» [Лившиц 1962: 37].

Это подтверждается рядом документов, в частности в одном из писем Диваштичу, где говорится: «И есть известие: (события в) Худжанде закончились, и весь народ в веру (или «под опеку») эмира перешел — и знать, и купцы, и работники, (всего) 14 000, (они) отступили(?)» [Лившиц 2008: 100–101].

Есть и такие страты в тексте, как «военачальник» и «солдаты», которых В.А. Лившиц трактует как солдат имперских гарнизонов, расположенных в китайском Туркестане, к помощи которых Диваштич хотел обратиться.

В цикле документов, озаглавленных «Денежные документы», и в других мы видим частое употребление термина «государь» (этим титулом именуют и его вассалов, правителей отдельных сельских районов), «великий оплот», конечно же, это обращение к Диваштичу, другая его разновидность – господин. Есть в документах, в частности в договоре об аренде мельниц обращения, где Диваштич назван согдийским царем и самаркандским государем. По мнению В.А. Лившица, если он и был таковым, то лишь в первые два года правления [Лившиц 1962: 57, 64; 2008: 65–66]. Выражение «дехан Самарканда» в отношении Диваштича характерно лишь для арабских источников [Лившиц 1962: 65] и тоже не даёт уверенности в том, что он был правителем всего Согда.

В административной системе, судя по согдийским документам, имеются следующие социальные группы: начальник канцелярии, сельский староста, сборщик податей, магумат – главный жрец, поливальщик, военачальник или полководец, начальник конюшни, гопат глава финансового ведомства.

В первой статье денежных документов речь идет о распоряжениях Диваштичем выделения средств различным лицам. Судя по ним, состав должностных лиц двора был широк и свидетельствует о развитой системе административного управления. Среди них бухарец (житель Бухары), кушаниец (житель Кушании), пастух, главный жрец, главный виночерпий, главный пекарь, начальник парка,



составитель документов, палач. Данные о том, сколько и кому выдал денег Диваштич позволяют сделать приблизительное представление и о социальной значимости берущего деньги человека и стоимости отдельных услуг и товаров.

Например, за лошадь было отдано 200 драхм, за корову – 11 драхм, «которую на новогоднем празднике съели». Дороже её было платье женщине – 15 драхм. По 8 драхм было заплачено за бумагу, шелк и масло (не указано сколько) (в селении) Вардаккат. За башмаки бухарцу и кушанийцу – 1 драхму. Возведение крыши было самым дорогим делом, за которое «государь» уплатил 100 драхм. Некому Вану за пастьбу скота было уплачено 6 драхм. Составитель документов, видимо, очень ценился, так как ему было заплачено 8 драхм. М.Н. Боголюбов и О.И. Смирнова среди плат отмечают, что за пару быков было заплачено 12 драхм, 15–16 драхм обходилось (вероятно, у солдата) снаряжение военного, не считая оружия, панцирь с рубахой – 12 драхм, шлем – две драхмы, кафш («обувь») – две драхмы [Боголюбов, Смирнова 1963: 13; Лившиц 2008].

Опосредованно упоминается в тексте и о ювелире. Стоимость лишь одного камня яхонта обозначается в 80 драхм. Если сравнить это со стоимостью коровы (11 драхм) и лошади (200 драхм), можно предположить курс согдийской драхмы и приблизительный заработок ювелира, учитывая при этом фанатичную веру в изделия из драгоценных камней у согдийцев, о которых ещё писал Беруни [Лившиц 1962: 161].

Палач стоял на низшей ступени социальной иерархии. За жизнь человека (а может быть не одного?) ему было заплачено 5 драхм [Лившиц 1962: 182], главному пекарю – 15 драхм. Как видим, уровень жизни человека стоил в три раза дешевле, чем приготовление еды.

Есть в тексте и обозначение такой должности, как курьер, гонец, парвāначи – «третий по старшинству сановник» в Бухаре и в Балхе, вручавший царские указы о пожалованиях [Лившиц 1962: 183]. В другом месте упоминается сборщик податей [Лившиц 1962: 69], начальник водоема⁵ с именем Вгашмарик [Лившиц 1962: 71].

Следует отметить, что, несмотря на обозначения такой страты как купцы, купечество, в мугских документах, представленных В.А. Лившицем, нет других сведений о них, кроме ссылки на то, что самаркандский Согд имел тесные связи с согдийскими торговыми колониями на Востоке, которые не ослабевали и в период арабского завоевания [Боголюбов, Смирнова 1963: 97]. Отсутствие их действий в документах, по-видимому, объясняется спецификой сохранившихся документов, составляющих брачный договор, договор об аренде мельниц, о передаче земельного участка, письма разных лиц. Нет данных здесь о торговле на Великом шелковом пути. Между тем, купцы – это удивительная, феноменальная, профессиональная страта. Как люди иной культуры, они легко контактировали с представителями разных сословий, с крестьянами, горожанами, представителями важных сословий, являясь источником распространения из разных стран инноваций и технологическими нововведений.

Мало сведений о купцах и в известной книге О.И. Смирновой «Очерки из истории Согда» (Однако Э. де ла Вассьер в своей книге приводит сведения о них [Vaissiere 2002]). Следует сказать, что это единственная публикация, в которой наряду с экономикой Согда рассмотрены социальные отношения. К анализу социальной структуры общества автор привлёк огромное количество персоязычных источников и, что важно, данные согдийских документов с горы Муг, в чтении которых она принимала участие. О.И. Смирнова попыталась выявить основные категории согдийской знати, ответив на вопрос: «существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии?» [Смирнова 1970]. К высшему сословию О.И. Смирнова относит азатов, верхушку которых составляла титулованная знать, освобожденная от податей и повинностей. Она рассматривает

⁵ бассейн для вымачивания кож



согдийское «азат» (свободный, благородный) в двух возможных аспектах: как обозначение категории знати и как термин социальной градации вообще. Она пытается показать и экономическую основу господства земледельческой знати – дехкан. По ее мнению, основное податное население составляли «работники» – ремесленники и крестьяне (*kârikâr*). Особенное место принадлежало торговцам (*хвакâr*) и последнюю ступень социальной лестницы занимали рабы (пожизненные и временные) и слуги различных категорий. Первых из них, по словам О.И. Смирновой, «источники рисуют на прекрасных конях, в одеждах из дорогих тканей, в золотых поясах, с мечами и кинжалами, в золоте и серебре, возбуждающих алчность арабов» [Смирнова 1970: 85].

В отличие от В.А. Лившица, О.И. Смирнова не рассматривает вспомогательный административный аппарат, состоявших из широкого круга должностных лиц, который фигурирует в документах очень четко. Много ясности и в гендерном отношении. О низших слоях общества сведений очень мало.

Впервые О.И. Смирновой еще в 1960 г. удалось создать карту верховий Зеравшана по Мугским документам, о которой она докладывала на международном конгрессе востоковедов [Смирнова 1960].

Следует отметить, что все данные и В.А. Лившиц и О.И. Смирнова сопоставляли с китайскими, иранскими и арабскими источниками, выстраивая в некоторых случаях информативные параллели.

Социальная стратификация общества по согдийским документам свидетельствует о наличии неравенства в обществе, характеризующегося наличием трёхступенчатого состава общества: высший слой (руководство); средний слой – подчинённые руководству административные лица, близкие государю, а также свободные предприниматели, представители сел, крестьяне, купечество; низший слой – рабы и слуги. Об их количественном состоянии источники не говорят. Но тем не менее чтения и комментарии по согдийским документам, более конкретно и объёмно проведённые В.А. Лившицем, позволяют осуществить некоторую, пусть и неполную, реконструкцию социального устройства общества.

4 Заключение

Современная историческая литература, в вопросах изучения раннесредневекового общества Средней Азии не обходится без ссылок на согдийские документы с горы Муг. Этот уникальный сборник дал возможность историкам и археологам раскрыть новые грани истории Согды и прилегающих к нему территорий. Возникли исследования, авторы которых, благодаря этому ценному источнику, смогли сделать открытия в области топонимики, нумизматики, истории согдийского языка и, в целом, истории региона этого периода. Следует отметить, что работу по картографированию на основе согдийских документов, начатую О.И. Смирновой, продолжил А. Бенкато [Benkato 2022: 7]. В публикации Ф. Грене и Э. де ла Вассьера, посвященной последним дням Пенджикента, рассматриваются четыре письма, касающиеся военных процессов в Согде [Grenet, Vassière 2002: 155–196]. На основании этих писем А. Бенкато смог создать карту отправителей и получателей, показав – какие местные правители были в переписке, как они ранжировались в социальной иерархии по отношению друг к другу. Картографирование мест, указанных в письмах, показывает необходимость в расширении этого фокуса исследований. Одной из самых свежих работ является собрание согдийских письменных документов, осуществлённых Симсом-Вильямсом, касающееся находок в Казахстане и Китае. Исследования затрагивают и узбекистанскую историографию в целом и, в частности, работы узбекских учёных М.М. Исакова, А. Атаходжаева, Г. Бабаярова, А. Кубатина, Б. Гойибова, внёсших новые коррективы в согдологию [Исаков 2008: 208; Отахўжаев 2009; Бобоёров 2010; Бобоёров и др. 2020: 168; Гойилов 2014; Кубатин 2013; Begmatov 2020].



Вместе с тем, историография Согда остается неполной, что определяется недостаточностью работ о его социальной истории раннесредневекового периода, в том числе с стратификационно-концептуальным методологическим подходом к изучению социальной структуры общества. Между тем, историческая наука нуждается не только в общих данных о социальной жизни и социальных стратах народов Средней Азии, но и в исследовании таких вопросов, как: трансформационные процессы, касающиеся социальных страт, вызванные политическими и экономическими изменениями в государствах; выход военного сословия на социальную арену в период войн и политических катаклизмов; формирование новых социальных групп в период войн и после них, сконцентрировавшихся как мигранты; взаимоотношения социальных страт, их ментальность, профессиональная стратификация – это касается всех периодов истории, хотя самой неразработанной в данном отношении является раннее Средневековье, социальная история которой нуждается в более пристальном изучении.

АВТОРСКИЙ ВКЛАД

Д.А. Алимова: концептуализация, анализ письменных источников, подготовка рукописи.

Г.Б. Бабаяров: анализ письменных источников, сбор и систематизация материала, интерпретация данных, редактирование и рецензирование текста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Абдурахмонов Ф., Рустамов А. Қадимги туркий тил. Тошкент: Ўқитувчи, 1982. 166 б.
- 2 Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). Ташкент: Нац. библиотека им. А. Навои, 2007. 120 с.
- 3 Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 16. Душанбе, 1977. С. 197–221.
- 4 Бобоёров Ф. Илк ўрта асрлар тангаларида Ўзбекистон худудидаги давлатчиликка доир маълумотлар // Ўзбекистон тарихи манбашуносилиги масалалари. Тошкент, 2010. 18–40-бб.
- 5 Бобоёров Ф. Ғарбий Турк хоқонлигининг давлат тузуми. Тошкент: Yangi nashr, 2018. 527 б.
- 6 Бобоёров Ф., Фойилов Б., Кубатин А. Ўрта Осиё битиклари. Сугдий ёзма битиклари. Тошкент: Таффакур авлоди, 2020. 168 б.
- 7 Боголюбов М.Н., Смирнова О.И. Согдийские документы с горы Муг. М.: Вост. лит., 1963. 222 с.
- 8 Гойилов Б.С. Из истории управления раннесредневекового Согда (на основе согдийских письменных источников) // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2014. № 2 (92). С. 101–105.
- 9 Исхаков М.М. Центральная Азия в системе мировой культуры (Древность и раннее средневековье) Ташкент: Ун-т мировой экономики и дипломатии, 2008. 442 с.
- 10 Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. Юридические документы и письма. М.: Вост. лит., 1962. 222 с.
- 11 Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. 414 с.
- 12 Лурье П. Владимир Аронович Лившиц и его метод. Вместо некролога // В.А. Лившиц. Штрихи к портрету / Сост. Е.В. Звягинцева, П.Б. Лурье, Н.Г. Птицына. СПб., 2019. С. 29–51.
- 13 Кубатин А.В. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг // Российская тюркология. 2013. № 2 (9). С. 25–41.
- 14 Отахўжаев А. Илк ўрта асрлардаги сиёсий – ижтимоий ва маданий муносабатларда Сўғд ва Чоч // Ўзбекистон тарихи. 2009. № 1. 17–24-бб.
- 15 Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиё цивилизациясида турк-сугд муносабатлари. Тошкент: ART-FLEX, 2010. 220 б.
- 16 Смирнова О.И. Карта верховий Зеравшана по Мугским документам // Международный конгресс востоковедов. Доклады делегаций СССР. М.: Вост. лит., 1960. С. 1–18.
- 17 Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М.: Наука, 1970. 288 с.
- 18 Толстов С.П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // Вестник древней истории. 1938. № 1 (2). С. 176–203.



- 19 Фрейман А.А. Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане (предварительное сообщение) // Согдийский сборник. Сб. статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР / Ред. И.Ю. Крачковский, А.А. Фрейман. Л., 1934. С. 7–18.
- 20 Фрейман А.А. Датирование согдийских документов с горы Муг в Таджикистане. Согдийские документы // Труды ИВ АН СССР. Т. XVII. Л., 1936. С. 137–165.
- 21 Begmatov A. Sogdian Textual Materials from Central Asia. A Critical Re-edition of the Documents from Mount Mugh. 京都大学, 2020. 03. 23. 博士(文学), 甲第22193号 URL: <https://repository.kulib.kyoto-u.ac.jp/items/1db95737-4d1d-48d7-b32e-cd560acca327> (accessed 26.11.2025).
- 22 Benkato A. Mapping the Mount Mugh letters and early 8-th Sogdiana // Invisible East. University of Oxford. 15 March 2022. 7 pp. URL: <https://invisibleeast.web.ox.ac.uk/sogbaejudper> (accessed 26.11.2025).
- 23 Grenet F., Vassière É. The last days of Panjikent // Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies. Kamakura. 2002. Vol. 8. Pp. 155–196.
- 24 Lurje P. Personal names in Sogdian texts // Iranisches Personennamenbuch / Hrsg. von R. Schmitt, H. Eichner, B.G. Fragner, V. Sadovski. Iranische Onomastik. Nr. 8. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010 (Iranisches Personennamenbuch, Band II: Mitteliranische Personennamen, Faszikel 8).
- 25 Yakubovich I. Mugh 1.1 revisited // Studia Iranica. 2002. T. 31. Fasc. 2. Pp. 231–253.
- 26 Yakubovich I. Marriage Sogdian Style // Iranistik in Europa — Gestern, Heute, Morgen / Hrsg. von H. Eichner, B.G. Fragner, V. Sadovski, R. Schmitt. Veröffentlichungen Zur Iranistik Herausgegeben Von Bert G. Fragner und Velizar Sadovski. Nr. 34. Vienne: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. Pp. 307–344.
- 27 Vaissiere E. de la. Histoire des marchands sogdiens. Paris, 2002 (Bibliothèque de l'Institut des Hautes études chinoises. XXXII). 414 p.

REFERENCES

- 1 Abdurahmonov, G., Rustamov, A. 1892. *Qadimgi turkiy til* (Old Turkic language), Tashkent: Oqituvchi (in Uzbek).
- 2 Babayarov, G. 2007. *Drevnetyurkskie monety Chachskogo oazisa (VI–VIII vv. n.e.)* (Ancient Turkic Coins of the Chach Oasis (6th–8th centuries CE). Tashkent: A. Navoi National Library (in Russian).
- 3 Belenitskiy, A. M., Marshak, B. I., Raspopova, V. I. 1977. In: *Arkheologicheskiye raboty v Tadzhikistane* (Archaeological Works in Tajikistan). Issue 16. Dushanbe, 197–221 (in Russian).
- 4 Boboyorov, G. 2010. In: *O'zbekiston tarixi manbashunosligi masalalari* (Issues of Source Studies in the History of Uzbekistan). Tashkent, 18–40 (in Uzbek).
- 5 Boboyorov, G. 2018. *G'arbiy Turk xoqonligining davlat tuzumi* (The State System of the Western Turkic Khaganate). Tashkent: “Yangi nashr” Publ. (in Uzbek).
- 6 Boboyorov, G., Goyibov, B., Kubatin, A. 2020. *O'rta Osiyo bitiklari. So'g'diy yozma bitiklari* (Central Asian inscriptions. Sogdian writing). Tashkent: “Taffakur avlodi” Publ. (in Uzbek).
- 7 Bogolyubov, M. N., Smirnova, O. I. 1963. *Sogdijskie dokumenty s gory Mug* (Sogdian documents from Mount Mug). Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 8 Goyibov, B. S. 2014. In: *Zhurnal nauchnyh publikatsij aspirantov i doktorantov* (Journal of scientific publications of postgraduate and doctoral students) 2 (92), 101–105 (in Russian).
- 9 Iskhakov, M. M. 2008. *Tsentrlnaya Aziya v sisteme mirovoj kultury. (Drevnost' i rannee srednevekov'e)* (Central Asia in the world culture system. (Ancient and Early Middle Ages)). Tashkent: University of World Economy and Diplomacy (in Russian).
- 10 Livshits, V. A. 1962. *Sogdijskie dokumenty s gory Mug. Vyp. II. Yuridicheskie dokumenty i pis'ma* (Sogdian documents from Mount Mug. Vol. II. Legal documents and letters). Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).
- 11 Livshits, V. A. 2008. *Sogdijskaya epigrafika Srednej Azii i Semirech'ya* (Sogdian epigraphy of Central Asia and the Semirechye). St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University (in Russian).
- 12 Lurje, P. 2019. In: Zvyagintseva, E. V., Lurje, P. B., Ptitsyna, N. G. (compl.). *V.A. Livshits Shtrihi k portretu* (V.A. Livshits. Portrait lines). St. Petersburg, 29–51 (in Russian).



- 13 Kubatin, A. V. 2013. In: *Rossiyskaya tyurkologiya (Russian Turkology)* 2 (9), 25–41 (in Russian).
- 14 Otahojayev, A. 2009. In: *O'zbekiston tarihi (History of Uzbekistan)*, 17–24 (in Uzbek).
- 15 Otahojayev, A. 2010. *Ilk yirta asrlarda Markazij Osiyo tsivilizatsiyasida turk-suʼd munosabatlari (Turko-Sugd relations in the civilization of Central Asia in the early Middle Ages)*. Tashkent: “ART-FLEX” Publ. (in Uzbek).
- 16 Smirnova, O. I. 1960. In: *Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov. Doklady delegatsij SSSR (International Congress of Orientalists. Reports of the delegations of the USSR)* Moscow: “Vostochnaya literature” Publ., 1–18 (in Russian).
- 17 Smirnova, O. I. 1970. *Ocherki iz istorii Sogda (Essays on the History of Sogdiana)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 18 Tolstov, S. P. 1938. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 1 (2), 176–203 (in Russian).
- 19 Frejman, A. A. 1934. In: Krachkovsky, I. Y., Freiman, A. A. (eds.). *Sogdijskij sbornik. Sbornik statej o pamyatnikah sogdijskogo yazyka i kultury, najdenyih na gore Mug v Tadzhijskoj SSR (The Sogdian collection. Collection of articles on monuments of the Sogdian language and culture found on Mount Mug in the Tajik SSR)*. Leningrad, 477–480 (in Russian).
- 20 Frejman, A. A. 1936. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya AN SSSR (Works of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR)* XVII, 137–165 (in Russian).
- 21 Begmatov, A. 2020. In 京都大学 (Kyoto University), 2020.03.23. 博士(文学) (Doctor (Humanities)), 甲第 (Registration number) 22193号 (in Japanese). URL: <https://repository.kulib.kyoto-u.ac.jp/items/1db95737-4d1d-48d7-b32e-cd560acca327> (accessed 26.11.2025).
- 22 Benkato, A. 2022. In *Invisible East*. University of Oxford. 15 March 7 pp. URL: <https://invisibleeast.web.ox.ac.uk/sogbacjudper> (accessed 26.11.2025).
- 23 Grenet, F., Vassière, É. 2002. In: *Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies. Kamakura* 8, 155–196 (in English).
- 24 Lurje, P. 2010. In: *Iranisches Personennamenbuch* / Hrsg. von R. Schmitt, H. Eichner, B.G. Fragner, V. Sadovski. Iranische Onomastik. Nr. 8. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2010 (Iranisches Personennamenbuch, Band II: Mitteliranische Personennamen, Faszikel 8) (in English).
- 25 Yakubovich, I. 2002. In *Studia Iranica* 31. Fasc. 2, 231–253 (in English).
- 26 Yakubovich, I. 2006. In: *Iranistik in Europa — Gestern, Heute, Morgen* / Hrsg. von H. Eichm, B.G. Fragner, V. Sadovski, R. Schmitt. Veröffentlichungen Zur Iranistik Herausgegeben Von Bert G. Fragner und Velizar Sadovski. Nr. 34. Vienne: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 307–344 (in English).
- 27 Vaissiere E. de la. 2002. *Histoire des marchands sogdiens*. Paris (Bibliothèque de l’Institut des Hautes études chinoises. XXXII) (in French).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.11.2025.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 19.12.2025.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.12.2025.

